

ТОПОХРОН

Утрченная точка: глобализация, детерриториализация и пространство мира

Стьюарт Элден

Department of Geography, University of Durham, Durham DH1 3LE

В статье предпринимается критический анализ доминирующего в литературе по глобализации направления, утверждающего что последняя может пониматься как детерриториализация. Доказывается, что предлагающие отказаться от территориального понимания политики неспособны концептуально разработать понятие территории как таковой. Проводя параллели между математикой и политикой XVII в., автор утверждает, что понятие территории зависит от специфического способа схватывать пространство как исчислимое. Такое понимание пространства делает возможными ограниченные территории, а также лежит в основании новых глобальных конфигураций. Иными словами, глобализация — это реконфигурация существующих пониманий, а не радикальный разрыв, как принято считать. В заключении статьи предлагаются некоторые комментарии к этой реконфигурации и утверждается, что прежде, чем думать, чем его можно заменить, необходимо предпринять историческую и концептуальную работу по понятию территории.

Введение

Я понимаю, что название статьи звучит провокационно. Но для этого есть веские основания. Дело в том, что множество исследований по глобализации, буквально или фигурально выражаясь, утрачены. Я говорю не о тех исследованиях, которые рассматривают глобализацию в терминах интернационализации торговли, гомогенизации куль-

Elden S. Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. № 30. P. 8-19. Редакция выражает благодарность профессору Элдену за любезное разрешение на русскоязычную публикацию.

© S. Elden, 2005.

© А.В. Дьяков, перевод, 2008.

туры или утраты мощи государствами-нациями. Вместо этого я предлагаю поразмыслить над концептом глобализации географически, то есть пространственно, как в рамках географической дисциплины, так и за её пределами. Порой доходят до представления, что география малозначима или что пространственные соображения вообще неважны. Французский теоретик Поль Вирильо утверждает даже, что ускорение коммуникации привело к замене географического пространства временем¹ и полагает, что «проблема конца столетия — детерриториализация»². Таким образом, мы обращаемся к тем исследованиям, которые заявляют, что глобализация есть форма детерриториализации и которые вместе с тем утверждают, что мы не опираемся на Вестфальскую модель государственной политики.

В силу этого наше эссе изучает взаимосвязь четырёх терминов: пространство, место, территория и детерриториализация. Ключевая идея состоит в том, что пространство и место нельзя различать, основываясь на масштабе, но что пространство появляется в западной мысли благодаря специфическому способу схватывания места. Это способ схватывания чего-то протяжённого и исчислимого, распространяющегося в трёх измерениях и укоренённого в геометрической точке. Мы утверждаем, что территория — не просто политический способ мыслить землю, но политическое следствие этого эмерджентного концепта пространства. Хотя она интегрально связана с государством, поскольку как современное государство, так и современный концепт территории возникают в одной и той же исторической ситуации, нельзя сказать, что территория связана с государством по самой своей сути. Исторический момент, который мы называем глобализацией, показывает, что числовое понимание пространства было распространено на весь земной шар, а это значит, что когда государству уделяют меньше внимания, территория сохраняет первостепенную важность. Поэтому мы не согласны с пониманием глобализации как детерриториализации, согласно которому территория больше не занимает по преимуществу географическое место, и утверждаем, что это неверное понимание самой сути этого ключевого термина.

Хотя настоящее эссе не имеет своей задачей проследить истоки термина «глобализация», позволим себе одно замечание. Термин «глобализация» происходит от выражения «глобальный мир», которое по своему происхождению гораздо старше и восходит к выражению «целый мир», в котором речь идёт об охвате или о влиянии на мир в целом. Здесь подразумевается двойной процесс: во-первых, постижение или осмысление мира в целом; во-вторых, способ политического, экономического или культурного воздействия на него. Иными словами, термин «глобализация» некоторым образом соотносится с тем, что Лefевр называет *мондиализацией*, становлением мирским. Лefевр полагает, что нам надлежит искать условия возможности этой *мондиализации*, которую нельзя сводить к линейной каузальности или механистическому детерминизму³. Он предостерегает: «всякий способ производства имеет своё пространство; но характеристики пространства нельзя сводить к общим характеристикам способа производства»⁴. Именно этот вопрос об условиях возможности мы и намерены разобрать. Так мы подберёмся к сути окольным путём.

¹ Virilio P. *Speed and politics: an essay on dromology*. Transl. by M. Polizzotti. N.Y.: Semiotexte, 1986; Virilio P. *Polar inertia*. Transl. by P. Camiller. L.: Sage, 1999.

² Virilio P., Lotringer S. *Pure war*. Transl. by M. Polizzotti. N.Y.: Semiotexte, 1983. P. 142.

³ Lefebvre H. *De l'état*. Tome IV: *Les contradictions de l'état moderne la dialectique et de l'état*. P.: UGE, 1978. P. 23. См.: Elden S. *Understanding Henri Lefebvre: theory and the possible*. L.: Continuum, 2004. P. 231-235.

⁴ Lefebvre H. *De l'état*. Tome IV: *Les contradictions de l'état moderne la dialectique et de l'état*. P. 291.

Детерриториализация, территория и отсутствие теории

Как показывает Папастергиадис¹, понятие детерриториализации вырастает из той сложной интеллектуальной традиции, которую не всегда принимают во внимание. Он отмечает, что культурная динамика детерриториализации разрушает прежние связи между пространством, стабильностью и воспроизводством; это ситуирует понятие общества во многих отношениях; это разделяет связности и ломает практики, обеспечивающие понимание и общность в пределах семьи и социальной единицы².

Обращаясь к Делезу и Гваттари³, он замечает, что они использовали этот термин в своём исследовании Кафки, чтобы показать, как сочинения Кафки на немецком языке оказались деструктивными из-за его пребывания за пределами собственно Германии. Такое использование термина «детерриториализация» существенно отличается от его развёртывания в большинстве работ. У Делеза и Гваттари⁴ этот термин означает отношение между мыслью и территориальным размещением, между заключением и изгнанием, и соотносится с понятиями номадической мысли, гибридности и диаспоры. Это имеет очень большое значение для более широкого понимания территории, хотя в более софистических прочтениях этой проблематики, предпринятых вслед за ними (например, у Элберта⁵) его трудно разглядеть. Исключение составляет книга Хардта и Негри «Империя»⁶, о которой я говорил в свете такого интеллектуального наследия в другом месте⁷. Согласно Папастергиадису, «концепт детерриториализации может использоваться для понимания разломов в языке и культурной идентичности»⁸. Сходным образом идею Делеза и Гваттари использует Аппадюрэй⁹. Использовать её в качестве модели глобализации, взятой как целое, следует с крайней осторожностью. И это предостережение отнюдь не лишне.

Мы видим, что термин «детерриториализация» используется для описания культурного процесса, в котором разрыв между социальным и географическим возмещает новый век внепространственной человеческой интеракции¹⁰, в отношении региональ-

¹ Papastergiadis N. The turbulence of migration: globalisation, deterritorialization and hybridity. Cambridge, Polity Press, 2000. P. 116-117.

² Ibid. P. 117.

³ Deleuze G., Guattari F. Kafka: toward a minor literature. Transl. by D. Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986.

⁴ См. также: Deleuze G., Guattari F. A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia. Transl. by B. Massumi. L.: Athlone, 1988; Deleuze G., Guattari F. What is philosophy? Transl. by H. Tomlinson and G. Burchill. L.: Verso, 1994.

⁵ Albert M. On boundaries, territory and postmodernity: an international relations perspective // Boundaries, territory and postmodernity. Ed. D. Newman. L.: Frank Cass, 1999. P. 53-68.

⁶ Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

⁷ Elden S. The state of territory under globalisation: «Empire» and the politics of reterritorialization // Borne across: metaphoricity and postmodern politics. Eds. M. Margaroni and E. Yiannopoulou. Amsterdam: Rodopi, 2004.

⁸ Papastergiadis N. The turbulence of migration: globalisation, deterritorialization and hybridity. P. 118.

⁹ Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

¹⁰ Lull J. Media, communication, culture: a global approach. Cambridge: Polity Press, 1995; Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Papastergiadis N. The turbulence of migration: globalisation, deterritorialization and hybridity. Cambridge, Polity Press, 2000.

ной и национальной идентичности¹ и экологических проблем². Кастри, кроме того, предостерегает от суждений исключительно о детерриториализации и рассуждает о «диалектике территориализации/детерриториализации, смеси пространственной устойчивости и неустойчивости»³. Следуя подобной логике, такие люди как Андерсон говорили о «новом Средневековье», когда границы неустойчивы, а владения смешаны и накладываются друг на друга⁴. Мы должны быть благодарны часто критикуемым⁵ гиперболическим утверждениям о том, что мы вступили в безграничный мир, а национальным государствам и географии пришёл конец⁶. Не менее благодарны мы должны быть за то, что многие из этих определений детерриториализации требуют признать, что география сохраняет свою первостепенную важность, даже если её необходимо осмыслить новыми, более сложными способами. Как выразился Амин:

«Таким образом я ушёл от *территориальной* идеи логик изолированного пространства — локального, национального, континентального и глобального, — противопоставляемых одна другой. Вместо этого я стремился интерпретировать глобализацию в таких близких терминах как взаимозависимость и взаимопроникновение глобальных, отдалённых и локальных уровней, получив в результате большую гибридизацию и перфорацию социальной, экономической и политической жизни»⁷.

Детерриториализация в самом употребимом смысле этого слова побуждает нас вновь поразмыслить о понятии территории и выяснить, каким образом её логика истощается перед вызовом эпохи глобализации⁸. Это выводит нас за пределы представления о территории как о данности и позволяет узнать, в какой мере вещи остаются на месте. Это значит поставить под вопрос их положение и статус⁹.

¹ Williams C.H. Nationalism in a democratic context // A companion to political geography. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford: Blackwell, 2003. P. 356-377.

² Kuehls T. Beyond sovereign territory: the space of ecopolitics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Castree N. The geopolitics of nature // A companion to political geography. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford: Blackwell, 2003. P. 423-III.

³ Castree N. The geopolitics of nature // A companion to political geography. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford: Blackwell, 2003. P. 427.

⁴ Anderson J. The shifting stage of politics: new medieval and postmodern territorialities? // Environment and Planning D: Society and Space. 1996. Vol. 14. P. 133-153.

⁵ См.: Amin A., Thrift N. Globalisation, socio-economics, territoriality // Geographies of economies. Eds. R. Lee and J. Wills. L.: Arnold, 1997. P. 147-157; Yeung H.W. Capital, state and space: contesting the borderless world Transactions. Institute of British Geographers. 1998. Vol. 23. P. 291-309; Kelly P.F. The geographies and politics of globalisation // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23. P. 379-400; 6 Tuathail G. Borderless worlds? Problematizing discourses of deterritorialization // Geopolitics. 2000. № 4. P. 139-154; MacLeod G. New regionalism reconsidered: globalisation and the remaking of political economic space // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. P. 804-829.

⁶ Ohmae K. The borderless world: power and strategy in the interlinked economy. L.: Harper Collins, 1990; Ohmae K. The end of the nation state: the rise of regional economies. L.: Harper Collins, 1995; O'Brien R. Global financial integration: the end of geography. L.: Royal Institute of Financial Affairs, 1992.

⁷ Amin A., Thrift N. Globalisation, socio-economics, territoriality. P. 133.

⁸ См.: 6 Tuathail G. Political geography III: dealing with deterritorialization // Progress in Human Geography. 1998. Vol. 22. P. 81-93; Spaces of globalisation: reasserting the power of the local. Ed. K.R. Cox. N.Y.: Guilford Press, 1997; Brenner N. Beyond state-centrism? Space, territoriality, and geographical scale in globalization studies. Theory and Society. 1999. Vol. 28. P. 39-78; Brenner N. Globalisation as reterritotalization: the re-scaling of urban governance in the European Union // Urban Studies. 1999. Vol. 36. P. 431-451.

⁹ 6 Tuathail G. Borderless worlds? Problematizing discourses of deterritorialization. P. 139-140.

Шолте¹ эксплицитно обозначил глобализацию как детерриториализацию, но, несмотря на важность такой дефиниции, этот термин играет в его книге незначительную роль и совершенно исчезнет из предстоящего второго издания. Шолте предпочитает говорить о супратерриториализации, что влечёт за собой такую реконфигурацию географии, в которой социальное пространство больше не картографируется в виде территориальных площадей, территориальных протяжённостей и территориальных границ². Признавая несомненную важность такой реконфигурации географии, я отказываюсь принимать его прямолинейное понимание территории и предлагаю следующее: разработка идеи детерриториализации требует эксплицитного теоретизирования того, что представляет собой территория, что позволит нам не ослепляться параллелями между прошлым и настоящим в меняющейся природе пространственных отношений. Иными словами, что позволяет нам предполагать, что мы продвинулись вперёд или предприняли существенную ревизию? Ведь самая большая трудность состоит в том, что территория залегает ниже теоретического уровня

Стандартный подход в политической науке, а равно в географии и в области международных отношений, заключается в том, чтобы обращаться к непроблематичной данности, которую потом отвоёвывают, делят и переделывают, избегая какой-либо концептуальной проблематизации. Другими словами, бывают споры по поводу территории, но не о «территории». И это несмотря на то, что Макс Вебер в своём определении государства подчёркивал её важность:

Государство есть такое человеческое сообщество, которое в пределах определённой площади или территории [*Gebietes*] — «площади» в особенности — (успешно) осуществляет монополию на легитимное физическое насилие³.

Как теперь выясняется⁴, территориальной частью этого определения — в отличие от «сообщества», «легитимности» и «насилия» — в значительной мере пренебрегли, как, впрочем, и самим Вебером и общественной наукой в целом. Однако, как указывает Майкл Манн, территориальный аспект является не малозначимым, но ключевым: «государство несомненно есть *место* — и центральное место, и унифицированная территориальная протяжённость»⁵. Манн применяет эту дистинкцию к церквям и товариществам. Джин Готтман, написавший одни из самых плодотворных работ по этому предмету, заявляет, что «поразительно мало пишут о понятии территории, хотя много речей, чернил и крови было пролито в территориальных спорах»⁶. Что изменилось за прошедшие тридцать лет? Готтману представлялось, что проще простого придать территории современный, правовой смысл как «части географического пространства, на-

¹ Scholte J.A. Globalisation: a critical introduction. Houndmills: Macmillan, 2000. P. 46.

² Ibid. P. 96. См. также: Scholte J.A. Global civil society // The political economy of globalisation. Ed. N. Woods. L.: Macmillan, 2000. P. 179.

³ Weber M. Politik als Beruf // Ed. J. Winckelmann. Gesammelte Politische Schriften. Tübingen: Mohr, 1971. P. 510-511; Weber M. The profession and vocation of politics / Political writings. Eds. P. Lassman and R. Speirs. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 311. Перевод изменён.

⁴ Brenner N., Jessop B., Jones M., MacLeod G. Introduction: State space in question // State/space: a reader. Eds. Brenner N., Jessop B., Jones M. and MacLeod G. Oxford: Blackwell, 2002. P. 1-26.

⁵ Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // Archives Européennes de Sociologie. 1985. T. XXV. P. 198.

⁶ Gottman J. The significance of territory. Charlottesville: University Press of Virginia, 1973. P. IX.

ходящегося под юрисдикцией определённых людей»¹. Сходным образом Фридрих Кра-тохвиль полагал, что «территориальность как владение — не элементарное понятие, но включающее всё многообразие социальных установлений, которые следует подвергнуть детальному изучению»².

Однако по большей части понятие территории как дефиниции государства склонны воспринимать как непроблематичное. Теоретики зачастую пренебрегали определением этого термина, принимая его как очевидный и не стоящий дальнейшего исследования. В политических словарях и учебниках концепции этого понятия не найти: по большей части оно принимается неисторически, признаётся концептуальным и в философском плане остаётся неизученным. Его значение считается очевидным и само собой разумеющимся, а потому используется в политическом анализе. Политическая наука, которая всё же дискутирует это понятие, склонна концентрироваться на правовых проблемах расколов и пограничных споров или проблем беженцев, национализма и отношений центра и периферии, вместо того чтобы прояснить значение понятия как такового³. Дисциплина, изучающая международные отношения, признаёт фундаментальное значение территории, но не считает нужным выйти за пределы расхожего суждения об этом термине. Отчасти именно из-за этого возникает следующая проблема: реализм принимает в качестве исследовательской единицы государство, остающееся, впрочем, чёрным ящиком, и на этом основании изучает его отношения с другими государствами, в то время как новейшие инновационные подходы подвергают сомнению акцент на государстве и перемещают свой фокус в другое место. Хотя и есть исключения⁴, остаётся справедливым сетование Рагги: «достойно удивления, что те, кто изучает международную политику, столь мало знакомы с понятием территориальности»⁵.

Когда этот специфический концепт применяется к политическому, акцент приходится на понятие ограниченности.

Территориальная ограниченность государств есть то, что даёт им внутреннюю центрированность: у них есть жёстко демаркированная граница — линии, нарисованные на карте, — в пределах которых они обладают суверенитетом, символизируемым ярким, контрастным цветом, заполняющим пустоту между этими линиями⁶. Как выражается Пааси, «границы, наряду с несомой ими информацией, выступают базовым элементом в конструировании территорий и в практике территориальности»⁷. Для Джонсена и его соавторов «территория определяется как целостная секция поверхности зем-

¹ Ibid. P. 5.

² 2 Kratochwil F. Of systems, boundaries and territoriality: an inquiry into the formation of the state system // *World Politics*. 1986. Vol. XXXIX. P. 27-28.

³ См., например: Bulpitt J. *Territory and power in the United Kingdom: an interpretation*. Manchester: Manchester University Press, 1983; Badie B. *The imported state: the westernization of the political order*. Transl. by C. Royal. Stanford: Stanford University Press, 2000.

⁴ Walker R.B.J. *Inside/outside: international relations as political theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Shapiro M.J. *Violent cartographies: mapping cultures of war*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

⁵ 5 Ruggie J. *Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations* // *International Organization*. 1993. Vol. 47. P. 174.

⁶ Akerman J.R. *The structuring of political territory in early printed atlases* // *Imago Mundi*. 1995. Vol. 47. P. 152.

⁷ Paasi A. *Territory* // *A companion to political geography*. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford: Blackwell, 2003. P. 112.

ли, отделённая от окружающего её границей»¹. Границы задаются географическими или политическими деталями, которые становятся спорными объектами. Как отмечает Харви, «большая часть философии географии... произрастает из "вмещающего" представления о пространстве, которое преимущественно ассоциируется с концепциями Ньютона и Канта»². Это ведёт к знаменитому определению Гидденса³, согласно которому государство есть ограниченное вместилище власти. Существует целый ряд исследований по политической географии, которые можно отнести к этой категории⁴. Даже значимая работа Питера Тейлора, претендующая, по сути, на разрешение этого вопроса, рассматривает государство как «вместилище»⁵ и возможность выйти «за пределы вместилища»⁶. Эгню говорит о том же самом, используя термин «территориальная западня», базирующийся на тройном предположении: что современный государственный суверенитет требует чёткого ограничения территорий; что существует оппозиция между внешними и внутренними делами; что территориальное государство есть «вместилище» современного общества⁷. Хотя Кокс отмечал, что «говоря о территории, нужно говорить о территориальности, и наоборот», утверждая, что «территориальность отсылает к действиям, направленным на осуществление контроля над некоторой областью: территорией»⁸, за ним мало кто последовал⁹.

И тем не менее, что делает возможной демаркацию этих границ? Что, если это условие вероятности, которое составляет центральный аспект современного понимания территории? В пользу этого говорит то, что такое понимание политического пространства является фундаментальным, а идея границ есть вторичный аспект, зависимый от первого. Как это затрагивает наше понимание эпохи, из которой мы, как считается, выходим, и эпохи, к которой мы движемся? Что позволяет суверенной власти распространяться и просачиваться во все поры государственного бытия? Пока я не хотел бы утверждать, что государство — самый важный момент анализа, поскольку это поставило бы меня в затруднительное положение. Избитые фразы о Вестфальской государственной системе предполагают хронологическое начало и утверждают современный упа-

¹ Jonssen C, Tagil S., Tornqvist G. Organising European space. L.: Sage, 2000. P. 3.

² Harvey D. Explanation in geography. Oxford: Basil Blackwell, 1969. P. 208.

³ Giddens A. The nation state and violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

⁴ См., например: Prescott J.R.V. The geography of state policies. L.: Hutchinson University Library, 1968; Johnston R.J. Geography and the state: an essay in political geography. L.: Macmillan, 1982; Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 1998. Vol. 22. P. 186-207.

⁵ Taylor P J The state as container: territoriality in the modern world-system // Progress in Human Geography. 1994. Vol. 18. P. 151-162.

⁶ Taylor P J Beyond containers: internationality, inter-stateness, interterritoriality // Progress in Human Geography. 1995. Vol. 19. P. 1-15.

⁷ Agnew J The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory // Mastering space: hegemony, territory and international political economy. Eds. J. Agnew and S. Corbridge. L.: Routledge, 1995. P. 78-100; Agnew J. Mapping political power beyond state boundaries: territory, identity and movement in world politics // Millennium. 1999. Vol. 28. P. 499-521.

⁸ Cox K.R. Political geography: territory, state and society. Oxford: Blackwell, 2002. P. 29.

⁹ См., впрочем: Sack R.D. Human territoriality: a theory // Annals of the Association of American Geographers. 1983. Vol. 73. p. 55-74; Sack R.D. Human territoriality: its theory and history. Cambridge: Cambridge University Press, 1986; Malmberg T Human territoriality: survey of behavioural territories in man with preliminary analysis and discussion of meaning. The Hague: Mouton Publishers, 1980; Hall E.T. The hidden dimension. N.Y.: Doubleday & Co, 1969.

док, без теоретического уточнения того, о чём, собственно, идёт речь¹. В самом деле, принципиальный спор в целом направлении литературы сводится к тому, верна ли эта датировка, или, быть может, найдётся более ранняя привязка, например, Французское вторжение в Италию 1494 г. Но в чём здесь суть? Независимо от хронологического начала, принципиально важно начало концептуальное.

В силу этого мы имеем, с одной стороны, политическую науку или теорию с определённым пониманием государства, но без постижения его глубинной сущности, его ситуации, его территории; с другой — политическую географию, которая предлагает понимание пространства и территории, но оставляет без эксплицитной разработки те политические и исторические аспекты, которые у неё могли бы быть. Обе перспективы испытывают недостаток философского и математического осмысления концепта пространства (оба не взаимоисключающе, но и не вполне когерентны). В самом деле, несмотря на столь превозносимый квантитативный «поворот» в географии 1950-х и 1960-х гг., Прескотт полагает, что для большей части проблем, связанных с границами, фронтами и территорией, математический анализ непригоден². Хотя его интенция вполне понятна, он пренебрегает важными взаимосвязями между математикой и политическим в конституировании границ. Концепции геометрии и концепции территории весьма тесно взаимосвязаны. Что объединяет все эти географии глобализации и, шире, понимания территории? Они пренебрегают важностью калькуляции, они утрачивают точку.

Геометрическая точка

Точка является ключевым моментом в нашем способе постижения пространства. У нас нет места, чтобы дать детальное описание, которого этот вопрос заслуживает, но мы позволим себе обозначить основные моменты этого процесса. У Аристотеля имеет место очень чёткое различие между единицей, *monas*, и точкой, *stigma*. Оно развивается в контексте его «Физики» (книги V-VI), где, говоря о связях бытия, он выделяет множество моментов, позволяющих постичь ту роль, которая отводится месту в его мысли³.

По Аристотелю, ключевым для возможности связи единиц является то обстоятельство, что они дискретны, отдельны друг от друга. Последовательность чисел, например, предполагает дистанцию между ними, и шаги по дороге мы отсчитываем один за другим. Линия, напротив, хотя и включает в себя точки, не может быть сведена к простой последовательности точек. Линия есть нечто большее, потому что связь точек отличается от последовательности чисел. Точки, будучи связаны, представляют собой буквально конец одного и начало другого, а между ними ничего нет — ни другой точки, ни чего-либо ещё. На языке Аристотеля это *synekhes*, континуум. Это *ephekses*, последовательность, так же как и ряд чисел, но такая, которая, вместо того чтобы в потенциале быть чем-то, расположенным между, характеризуется *haplesthai*, касанием. Как показывает Аристотель, *monas* и *stigma* не могут быть одним и тем же, поскольку способ их связи различен.

¹ Linklater A. The transformation of political community: ethical foundations of the post Westpfalian era. Cambridge: Polity Press, 1998; готовящаяся работа Шолте.

² Prescott J.R.V. Political geography. L.: Methuen, 1972. P. 44.

³ Aristotle. Physics. Oxford: Clarendon Press, 1936. 226B18-231B17.

Благодаря этому мы получаем чёткое различие между арифметикой и геометрией: арифметика занимается последовательностью чисел, где никакое касание не является необходимым; геометрия занимается *stigma*, связь которой характеризуется как *synekhes*, континуум. Арифметика занимается последовательностью, где между единицами, всеми *monas*, нет ничего бытийного по своему происхождению; геометрия — континуумом, в котором край одной точки, *stigma*, является краем следующей. Поэтому решающее значение имеет то, что, хотя точки могут быть вычленены из линии, они не составляют линию. Линия — больше, чем множественность точек, и, шире, поверхность — больше чем линии; объём больше чем поверхности. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что у греков не было слова, соответствующего нашему понятию «пространства». Несмотря на регулярное использования понятия «Эвклидово пространство», этот термин не находит никаких параллелей в сочинениях этого автора¹ и является более современным изобретением. Это различие между арифметикой и геометрией закладывает основания для большей части Средневековья, хотя некоторые работы поздней схоластики значительно усложняют его². Это важная часть истории, но говорить о ней нам некогда. Впрочем, следует с определённой осторожностью относиться к привилегированному положению в западной философии Декарта, к которому я теперь обращусь.

Декарт важен в силу целого диапазона причин, из которых самым очевидным является строгое различие между мыслью и материальным миром, между *res cogitans* и *res extensa*. Для Декарта весьма существенно то, что *res cogitans* является неделимым, в то время как *res extensa* — делимым³. Действительно, принципиальная онтологическая определённость мира, по Декарту, состоит в том, что он длится в трёх измерениях, которые могут быть исчислены математически, посредством геометрии. Декарт рассматривает геометрию как эквивалент алгебры; это символическая версия мира. Длительность, по Декарту, является и физическим, и геометрическим свойством. Это значит, что геометрия становится не только способом понимания и исчисления материального мира, но, в силу акцента на длительности и измеримости, становится формой прикладной арифметики. Если Аристотель строго различал эти дисциплины, то Декарт рассматривает геометрические фигуры и, шире, весь мир, как символы, поддающиеся исчислению. Мы явственно обнаруживаем это в пассажах его книги «Геометрия», вводная часть которой, к примеру, утверждает, что «все проблемы геометрии могут быть запросто решены в таких условиях, где знание длины определённых прямых линий окажется достаточным для постройки здания»⁴. Далее в той же работе он утверждает, что «тот метод, которым я пользуюсь, позволяет все проблемы, встающие перед геометрами, свести к общему типу, а именно — к вопросу о нахождении значения корней уравнения»⁵. Другими словами, геометрические проблемы можно свести к проблемам числа, корня уравнения или длины линии. Континуум геометрии, таким образом, превратился в последовательность чисел, в форму арифметики, в которой исчисление бесконечно малых величин ведёт к абсолютному решению. Геометрия Декарта, в отли-

¹ Euclid. The thirteen books of Euclid's elements. 3 vols. 2nd edn with introduction and commentary by L. Thomas. N.Y.: Heath Dover, 1956.

² См.: Lang H.S. Aristotle's Physics and its medieval varieties. Albany: State University of New York Press, 1992.

³ Descartes R. (Euvres de Descartes. 13 vols. Eds. C. Adam and P. Tannery. P.: Vrin, 1964. Vol. VII. P. 85-86.

⁴ Descartes R. The geometry of Rene Descartes. French-Latin-English edition, transl. by D.E. Smith and M.L. Latham. N.Y.: Dover, 1954. P. 2-3. Перевод изменён.

⁵ Ibid. P. 216-217.

чие от геометрии Аристотеля, есть скорее *ephekses*, чем *synekhes*. Понятие декартовых координат — самое явное признание этого факта, но это координаты пространства, *spatium*, которое, в современном смысле слова, появляется в это время¹.

Политическая точка

Нет ничего удивительного в том, что Декартово философско-математическое оправдание постижения мира в свете числа, сделавшего своим центром точку, как и многое другое, имело место в рамках научной революции семнадцатого столетия, ключевыми фигурами которой были сперва Галилей, а затем Ньютон и Лейбниц². Тем не менее, это развитие не ограничивалось научными, философскими и математическими открытиями, но сопровождалось переменами в политических теории и практике. Центральными политическими событиями были открытие и последующая колонизация Нового Света и изменение политической карты Европы, в особенности медленное умирание Священной Римской Империи.

Термин «Новый Свет» позволяет увидеть практическое ранжирование мест в соответствии с сеткой широты и долготы, которую Томас Джефферсон и другие использовали для деления на штаты Соединённых Штатов³ и разграничения европейского влияния на Африканском континенте⁴. Так называемые «естественные» границы чужды концептуальной элегантности прямой линии или дуги. Пожалуй, нет ничего более поразительно, чем город Четыре Угла (*Four Corners*), единственное место в США, где в общей точке сходятся четыре штата (Юта, Колорадо, Нью Мексико и Аризона). Более важным в политическом отношении и ставшим прецедентом для многих более поздних случаев является Тордесильяский договор 1494 г., разделивший испанские и португальские притязания на мир.

Граница, или прямая линия, определяется и проводится с севера на юг, от полюса до полюса, через сказанное море-океан [Атлантику], от Арктического к Антарктическому полюсу. Эта граница или линия должна быть проведена прямо, как упомянуто выше, на расстоянии трёхсот семидесяти лиг к западу от Островов Зелёного Мыса, будучи исчисляемо в градусах или любым иным способом, который можно считать наилучшим и наипростейшим, при условии, что расстояние будет не более вышесказанного. (Тордесильяский договор 1494 г., Статья 1).

¹ Более подробно см.: Lachterman D.R. *The ethics of geometry: a genealogy of modernity*. N.Y.: Routledge, 1989; Klein J. *Greek mathematical thought and the origin of algebra*. N.Y.: Dover, 1992; Elden S. *The place of geometry: Heidegger's mathematical excursus on Aristotle* // *The Plethron Journal*. 2001. Vol. 42. P. 311-328.

² О географической перспективе этих событий см.: Livingstone D.N. *Geography, tradition and the scientific revolution: an interpretative essay* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1990. Vol. 15. NS. P. 359-373.

³ Pattison W.D. *Beginnings of the American rectangular land survey system 1784-1800*. Columbus: Ohio Historical Society, 1970; Sack R. *Human territoriality: its theory and history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 127-168; Cohen P.C. *A calculating people: the spread of numeracy in early America*. N.Y.: Routledge, 1999; Linklater A. *Measuring America: how the United States was shaped by the greatest land sale in history*. N.Y.: Plume, 2003.

⁴ См.: Pakenham T. *Scramble for Africa 1876-1912*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1991. Некоторые аспекты освещает Stone J.C. *Imperialism, colonialism and cartography* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1988. Vol. 13. NS. P. 57-64; более подробно: Badie B. *The imported state: the westernization of the political order*. Transl. by C. Royal. Stanford: Stanford University Press, 2000.

Разделительная линия предоставляла королю Португальских земель восток, а королю и королеве Кастилии — запад. Как объясняет Стори, общая цель заключалась в том, чтобы отдать Португалии Африку, а Испании — Америку, но открытая позднее часть Южной Америки фактически относилась к востоку, следствием чего стало создание там португальской колонии, известной как Бразилия¹. Это показывает, что широта была действенным маркером до тех пор, пока более надёжные часы не сделали возможным точное измерение долготы. В Тордесильясском договоре значимо то, что он утверждает модель, использующую техники, которые позже станут общепринятыми. Как показывает Броттон², многие карты мира раннего периода прибегали именно к такой демаркации.

Священная Римская Империя задумывалась как Христианский мир, как секулярная версия Царства Божьего. Император, коронуемый папой как первой инстанцией, должен был властвовать над княжествами, королевствами и городами, охватывая всю Центральную Европу. Два важных дипломатических события бросили вызов владычеству Императора. Сперва Аугсбургский религиозный мир, провозгласивший: *cuius regio eius religio*, чья страна, того и вера. Это означало, что вовсе не Император, а местные правители властны утверждать религию на своей земле. Это нанесло серьёзный удар по ортодоксальности Империи, опирающейся на власть Рима и Католической церкви. Светским эквивалентом стал принцип *Rex in regno suo est Imperator regni sui* — правитель страны для неё то же, что Император для своей³.

Однако, как отмечает Осиандер⁴, Аугсбургский принцип было трудно осуществить на практике, так что во втором из ключевых дипломатических событий, Вестфальском Соглашении, от него по существу отказались. Вместо этого религия каждой части Империи была зафиксирована согласно ситуации 1624 г. Вестфальское Соглашение (а точнее, соглашения — в Мюнстере и в Оснабрюке) должно было дать частям Империи «свободное отправление территориального права» (Вестфальское Соглашение 1648 г.: Оснабрюк ст. VIII, п. 1; Мюнстер п. 64–67.). При рассмотрении попытки ниспровержения *Imperium Romanum* как рождения суверенитета и европейской государственной системы⁵ в 1648 г., Осиандер предостерегает от перевода «территориальный суверенитет», полагая, что немецкий термин «*Landeshoheit*» — это по сути «территориальная юрисдикция», и интересен он тем, что «как раз делает его отличным от суверенитета»⁶.

Соглашение в оригинале было написано не на немецком, но на латыни, с использованием терминов «*iuris territorialis*» («территориальное право») или «*iure territorii et superioritatis*» (Вестфальское соглашение. Оснабрюк. 1648. Ст. V. П. 30.), «преимущественное территориальное право». Французским эквивалентом стало «*superiority terri-*

¹ Storey D. Territory: the claiming of space. Harlow: Prentice Hall, 2001. P. 16-17. См. также: Sack R. Human territoriality: its theory and history. P. 131-132.

² Brotton J. Trading territories: mapping the early modern world. L.: Reaktion Books. 1997.

³ Ruggie J. Territorially and beyond: problematizing modernity in international relations. P. 157.

⁴ Osiander A. Sovereignty, international relations, and the Westphalian myth // International Organization 2001. Vol. 55. P. 270-272. См. также: Osiander A. The states system of Europe, 1640-1990: peacemaking and the conditions of European stability. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 12, 40.

⁵ Как это делает Gross L. The peace of Westphalia 1648-1948 // The American journal of International Law. 1948. Vol. 42. P. 20-41.

⁶ Osiander A. Sovereignty, international relations, and the Westphalian myth // International Organization. 2001. Vol. 55. P. 272.

*toriales*¹. Стоит отметить, что, так или иначе, юрисдикция или всё же суверенитет, но речь идёт о территории. Для понимания значения Вестфальского Соглашения это важнее всего². Цитируя немецкого юриста восемнадцатого столетия, Осиандер отмечает, что автономия частей — свободных городов и княжеств — была ограничена посредством имперских законов и конституционных положений. Что он преуменьшает, так это то, что внутренне, то есть «на своих землях и территориях»³, они были политически правомочны. В своём заключении он пытается утверждать, что «в международной политике существует очень ясный *de facto* тренд, далёкий от классического суверенитета и более близкий *Landeshoheit*, территориальная юрисдикция под навязываемым извне легальным режимом, общим для всех деятелей»⁴. Это также существенно, поскольку показывает, что появление термина «территория» в Вестфальском Соглашении не было привязано к какому-то абсолютному понятию суверенитета, как часто считают, что ведёт к заблуждению, поскольку это снижает важность понятия территории самой по себе, отличной от суверенитета.

Хотя всё это происходило во времена Гоббса, Спинозы и Локка, это понятие получило наиболее полное исследование в политических сочинениях Лейбница. Герцог Ганновера попросил Лейбница разъяснить положение правителей в пределах Империи. Лейбниц делает это, различая величество как власть требовать повиновения и лояльности, не подчиняясь этим требованиям, и суверенитет, который он рассматривает в трактовке Вестфальского Соглашения, касающегося территории. Определяя суверена как «того, кто владеет территорией», Лейбниц отказывается от понятия абсолютизма и полагает, что, независимо от признания своего положения за границей, внутри он является «владельцем своей страны и не может быть низвергнут кроме как насильственно»⁵. Существуют, полагает Лейбниц, «степени сеньории, княжества»⁶. Это удачно обрисовывает пост-вестфальское положение Империи — внешняя авторитарность, но невмешательство во внутренние дела стран⁷. Действительно, хотя вышеприведённые цитаты взяты из более позднего французского диалога, носящего название «*Entretiens de Philarete et d'Eugene*», оригинальный латинский текст Лейбница должен предостеречь нас от безоговорочного принятия заявлений Осиандера. Пьеса, носящая название «*De Jure Suprematus ac Legationis Principum Germaniae*», опубликована под псевдонимом

¹ Pages G. La guerre de trente ans 1618-1648. P.: Payot, 1939. P. 244. См. также: Dickmann F. Der Westfälische Friede. Münster 3 Auflage: Aschendorff, 1972. P. 129, 133.

² См.: Mirabelli A. R Le congrès de Westphalie: ses negociations et ses reultats au point de vue de l'histoire du droit des gens // Bibliotheca Visseriana Dissertationum ivs internationale illustrantium. VIII. 1929; Braubach M. Der Westfälische Friede. Minister: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1948; Kremer B.M. Der Westfälische Friede in der Deutung der Aufklärung. Tübingen: Mohr, 1989; Wyduckal D. The imperial constitution and the imperial doctrine of public law: facing the institutional challenge of the peace of Westphalia // 1648 War and peace in Europe. Eds. K. Bussmann and H. Schilling. 2 vols. Munster/Osnabruck, 1998. Vol. 1. P. 77-83.

³ Moser J.J. Grund-riss de heutigen Staats Verfassung des Teutschen Reichs. 5th edn. Tübingen: Cotta, 1745. P. 492. Цит. по: Osiander A. Sovereignty, international relations, and the Westphalian myth. P. 272.

⁴ Osiander A. Sovereignty, international relations, and the Westphalian myth. P. 283.

⁵ Leibniz G. CEuvres de Leibniz. 7 vols. Ed. L.A. Foucher de Careil. Hildesheim: Olms Verlag, 1969. Vol. VI. P. 347.

⁶ Ibid. P. 368.

⁷ См.: Herz J.H. Rise and demise of the territorial state // World Politics. 1957. Vol. IX. P. 473-493; Riley P. Introduction // Leibniz G. Political writings. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 26-28; Riley P. Leibniz' universal jurisprudence: justice as the charity of the wise. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

«Caesarinus Furstenerius» — шуточным именем, подчёркивающим эквивалентность Императора и Князя, или «Князя как Императора». Здесь Лейбниц делает несколько критических замечаний, на которых стоит остановиться подробнее.

Перед нами то, что германские юристы называют территориальным правом [*superioritatem territorialem* — т.е. *Landeshoheit*], или правом на территорию. Но... владетель юрисдикции и владетель территории — это две разные вещи... Тот, кто исследует эти вещи со всей осторожностью, увидит, что территориальное право заключается в высшем праве на принуждение или сдерживание... это право, в свою очередь, принадлежит не только принципам Империи, но также и графам. В течение долгого времени оставалось сомнение относительно свободных городов, но недавно, особенно после Мюнстерского Мира [*Pace imprimis Monasteriensi*] этот вопрос, как кажется, был улажен. А то, что мы называем территориальным правом, по-видимому, идентично тому, что французы называют *la souverainete*, в несколько более свободном смысле¹.

Далее Лейбниц подчёркивает, что это не означает, будто их власть абсолютна, но что можно обратиться и к высшему авторитету. Равным образом, как показывают примеры Швейцарии и Объединённых Провинций, «несколько территорий, кроме того, могут объединиться в одно тело, сохраняя своё собственное территориальное право»². Согласно Герцу, Лейбниц поэтому рассматривает себя как «первого, кто нашёл надёжное определение суверенитета»³, но это понятие явно привязано к территории.

В Европе того времени можно наблюдать, как появляется множество техник планирования и картографирования. Эсколар утверждает, что техники обновлённой картографии использовались для «бюрократического и административного управления и территориального регулирования в государствах Западной Европы шестнадцатого столетия»⁴. Это неудивительно, если учесть важность территории для правителей. Как замечает Харли, «государство стало — и по-прежнему остаётся — главным патроном картографической деятельности во многих странах»⁵. Вирильо ещё более категоричен: «Геометрия — необходимое основание рассчитанной экспансии государственной власти в пространстве и во времени»⁶. Использование затмений спутников для демаркации границ, особенно работы семейства Кассини во Франции, работа Вобана по математике и войне, утверждение первой современной границы в Европе по Пиренеям в 1659 г. лишь подтверждают это⁷. Эсколар суммирует это следующим образом:

¹ Leibniz G. *Samliche Schriften und Bnefe Vierte Reihe: Politischen Schriften*. 2 vols. Berlin: Akademie-Verlag, 1983-1984. Vol. 2. S. 54-55. Перевод изменён. См. также: *Ibid.* S. 394-401; Leibniz G. (*Euvres de Leibniz*. 7 vols. Ed. L.A. Foucher de Careil. Hildesheim: Olms Verlag, 1969. Vol. VI. P. 368-369.

² Leibniz G. *Samliche Schriften und Bnefe Vierte Reihe: Politischen Schriften*. 2 vols. Berlin: Akademie-Verlag, 1983-1984. Vol. 2. S. 117. Перевод изменён.

³ Herz J.H. Rise and demise of the territorial state // *World Politics*. 1957. Vol. IX. P. 478.

⁴ Escolar M. *Exploration, cartography and modernization // State/space: a reader*. Eds. N. Brenner, B. Jessop, M. Jones and G. MacLeod. Oxford: Blackwell, 2002. P. 33.

⁵ Harley J.B. *The new nature of maps: essays in the history of cartography*. Ed. P. Laxton. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. P. 59.

⁶ Virilio P. *L'insecurite' du territoire*. P.: Stock, 1975. P. 120.

⁷ См.: Virilio P. *Speed and politics: an essay on dromology*. Transl. by M. Polizzotti. N.Y.: Semiotexte, 1986; Sahlins P. *Boundaries: the making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press, 1989.

Геодезия и инструментальное представление территории государства, связанное с административной и научной картографией семнадцатого и восемнадцатого столетий, стали возможны благодаря развитию картографических техник в эпоху Ренессанса... с одной стороны, и преобразованием государственной власти в географическую юрисдикцию — с другой¹.

В исследовании, освещающем отношения между картезианской мыслью и новыми моделями городского планирования, Аккерман отмечает, что «с отказом от старых городских и архитектурных стилей средневековые *ментальные* структуры также оказались отвержены»². Думаю, нечто подобное можно увидеть в новых политических моделях пространства на уровне Королевства или Континента. Впрочем, Аккерман склонен рассматривать этот процесс скорее как побочное явление вульгарного материализма, когда

лежащая в основании современной науки парадигма *геометрически* совершенного мира вытекает из идеи геометрически совершенного города: именно этот образ позволял Декарту, как и его современникам, постичь вселенную и всё, что её составляет³.

Вернее, как явствует из его дальнейших разъяснений⁴, отношение между идеями и практикой постоянно меняется, так развивается схоластика, затрагивающая урбанистические и политические практики, которые, в свою очередь, оказывают влияние на философию времени.

Это означает, что понятие территории одновременно и исторически развивается, и имеет специфическое концептуальное основание. Территория в современном смысле слова нуждается в картографическом знании, которого попросту не было в более ранние периоды, знания, которое тесно связано с достижениями геометрии. Несмотря на некоторые сходства, не имеет смысла рассуждать о греческом полисе и его земле в терминах современных определений государства и территории⁵. Рим, со своим переходом от монархии к республике и к империи, намечает многие вехи на этом пути, но непосредственное уравнивание с современными концептами опять-таки ведёт к заблуждению. Общеизвестно, что Средневековье, несмотря на всю важность для него земельной собственности, не имело развитого чувства территории. Как замечает Камилл, «для средневековых людей не существовало такой вещи как "пространство"... наше современное абстрактное понятие пространства... есть пост-средневековая категория»⁶. Лишь в эпоху Ренессанса, когда в конце пятнадцатого столетия рождаются итальянские города-государства, появляются признаки того процесса, который станет определяющим. Его подробное освещение потребовало бы анализа как политических и дипломатических событий, так и трудов таких мыслителей, как Макиавелли, Жан Бодин и Гоббс, а равно и не соприкасающихся с ними непосредственно Лейбница, Спинозы и

¹ Escolar M. Exploration, cartography and modernization. P. 35-36.

² Akkerman A. Urban planning in the founding of Cartesian thought // Philosophy and Geography. 2001. Vol. 4. P. 157.

³ Ibid. P. 161.

⁴ Ibid. P. 162.

⁵ См.: Elden S Another sense of *Demos*: Kleisthenes and the Greek division of the Polis // Democratization. 2003. Vol. 10. P. 135-156.

⁶ Camille M. Signs of the city: place, power, and public fantasy in medieval Paris // Medieval practices of space. Eds. B.A. Hanawat and M. Kobialka. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 9. См. также: Zumthor P. La mesure du monde: representation de l'espace au Moyen age. P.: Seuil, 1993.

Гроция, но также и концептуальных и математических открытий в трудах Галилея, Декарта и Ньютона. Как отмечали Сак и Пааси, абстрактное, метрическое пространство отражалось в росте капиталистического производства и потребления¹. Эта точка одновременно и является ключевой, и подвергается опасности быть упущенной.

По существу, основная идея здесь заключается в том, что появление понятия пространства основывается на сдвиге в математическом и философском мышлении, тесно связанном с геометрией. Этот процесс связан с изменением концепций государства и его территории. Современное понятие меры, чья экспонента эксплицитно обнаруживается у Декарта, рассматривает всё сущее как исчислимое, как квантитативно измеримое, как протяжённое; по Декарту, исчислимость есть фундаментальное свойство мира. Быть — значит быть исчислимым. Как замечает Сак,

мыслить территорию как вмещающую и наполняемую проще, когда общество владеет письмом, а особенно — метрической геометрией, способной представить пространство независимо от событий... система координат современной карты идеально удовлетворяет этому условию².

Этот калькулятивный способ мышления связан с измерением и управлением землёй, но также и с «развитием политической арифметики в Европе семнадцатого столетия, что повлекло за собой каталогизацию физических и человеческих ресурсов государства»³. Действительно, возвышение статистики — дескрипции *государств* — начинается с этого времени. Таким образом, калькуляция оказывается ключевым моментом в конституции современного государства.

Территория, абстрактное пространство и глобализация

Выходит, территория отчасти связана с границами и непроницаемостью этих границ, но также и с политическим использованием продуктивного концепта пространства, особенно такого, каким оно является в позднее Средневековье, Ренессанс и ранний период современности. Пространство, каким мы его знаем, есть нечто ограниченное и эксклюзивное, где нечто может занимать место, будучи не этим местом, но главным образом чем-то исчислимым, протяжённым в трёх измерениях. Благодаря тому, что картографирование становится гораздо более точным, становятся возможны демаркация, исключение и контроль. Пространство и место, понимаемые таким образом, различаются не на основании шкалы (пространство — там, место — здесь), но на основании калькуляции. Попытку помыслить пространство в не-шкалярных терминах предпринял Тейлор⁴, который рассматривал пространство как абстрактное, а место как субстанциальное, но ему пришлось пренебречь или, по крайней мере, преуменьшить значение математического. Понимание пространства как абстрактного, а места — как субстанциального, накладывается на уже существующие пространства, будь то страна, дом

¹ Sack R. Human territoriality: its theory and history. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 84-85, 218; Paasi A. Territory // A companion to political geography. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford: Blackwell, 2003. P. 114.

² Sack R. Human territoriality: its theory and history. P. 63.

³ Progress in human geography. Ed. M. Pacione. L.: Croom Helm, 1985. P. 1.

⁴ См.: Amin A. Spatialities of globalisation // Environment and Planning A. 2002. Vol. 34 388-389.

или деревня. Абстрактное пространство карт и математики — поверхностная сетка, делающая возможным существование современных государств.

Если сегодня что-то и выбивается из этого порядка, так это уже не пространство отдельной страны (или даже нации), но мира в целом. Абстрактное пространство распространяется на весь земной шар, понимаемый как геометрический объект. Мыслимый таким образом, он может быть разделён или упорядочен как целое. Идеи всемирной simultанности или одновременности, согласно которым всё «распространяется по всей планете одновременно» или, соответственно «вне времени», как утверждает Шолте, добавляют новое измерение к территориальной географии, а именно — идею супратерриториальности¹. Но это не избавляет нас от «логики» территории, а, скорее, демонстрирует значение темпорального для понимания протяжённости, параметра t впридачу к x , y и z . Каждое из этих четырёх измерений представляется исчислимым. Время — «ничто иное как скорость, одновременность и simultанность [*Schnelligkeit, Augenblicklich keif und Gleichzeitigkeit*]», как выразился Хайдеггер в своей лекции 1935 г.². Время [*Zeit*] есть сейчас [*Gleich*], каждый момент есть точка во временной серии, и эти моменты становятся всё ближе друг к другу при увеличении скорости. Даже дискуссия по поводу перехода от пространства мест к пространству потоков³ предполагает некоторую форму связности⁴. Сетевое общество — это связь стольких точек, сколько есть государственных систем в современной Европе, самая большая из когда-либо существовавших в мире. Онтологически глобализация основывается всё на той же идее гомогенного, исчислимого пространства. Фактически это продолжение декартовой мысли другими средствами. Быть может, перемена лишь в том, что абстрактное пространство, которое мы накладываем на мир, становится всё более и более реальным само по себе, а не как отражение чего-то, залегающего в его основании, что оно призвано представлять.

Современные концепции территории основываются на специфическом онтологическом определении пространства, которое требует от нас переосмыслить географию глобализации. Специфический способ схватывания пространства, появившийся в пятнадцатом столетии, всё ещё остаётся наиважнейшей географической детерминантой нашего мира. Он пошёл другими, в определённой степени более экстремальными путями, что отнюдь не отменяет его господства. Поэтому процессы, связанные с глобализацией, проходят не «под знаком новой онтологии отношений места/пространства»⁵, хотя мы и впрямь должны тщательно поразмыслить об игре этих отношений. Именно в этих отношениях с их диалектикой детерриториализации/ретерриториализации можно разглядеть перемены⁶. Бреннер обозначил опасности, которые он называет «глобальным территориалистским сближением», когда не меняется ничего, кроме шкалы, где глобальное пространство представляется

¹ Готовящаяся работа Шолте.

² Heidegger M. Einführung in die Metaphysik. Tübingen: Max Niemeyer, 1953. S. 28-29.

³ Castells M. The informational city: information technology, economic restructuring and the urban regional process. Oxford: Blackwell, 1989; Castells M. The rise of network society. Oxford: Blackwell, 1996. P. 405-59.

⁴ См.: Amin A., Thrift N. Globalisation, socio-economics, territoriality // Geographies of economics. Eds. R. Lee and J. Wills. L.: Arnold, 1997. P. 147-157.

⁵ Amin A. Spatialities of globalisation. P. 385.

⁶ См.: Elden S. The state of territory under globalisation: Empire and the politics of reterritorialization // Borne across: metaphoricity and postmodern politics. Eds. M. Margaroni and E. Yiannopoulou. Amsterdam: Rodopi, 2004.

в страновцентристской манере, как заранее данное территориальное вместилище, в пределах которого разворачивается глобализация, вместо анализа исторического продуцирования, реконфигурации и трансформации пространства¹.

Хотя я и отношусь к этой работе со всем должным почтением, её концентрация на том, что делает это пространство возможным — а потому позволяет продуцировать, реконфигурировать и трансформировать его, — как удаляет меня от тех, кого он подвергает критике, так и побуждает пойти дальше, чем Бреннер.

В таком понимании территория не утрачивает своей значимости, скорее, она больше не ограничивается пределами отдельного государства. Поздний капитализм распространяет математическое, калькулятивное понимание территории на весь земной шар. Политика меры продолжается, поскольку мы по-прежнему принимаем меру политического. Стоит подчеркнуть, что онтология занимается не «что», но «как». Начиная с семнадцатого столетия преобладающим онтологическим пониманием мира стала его исчислимость. Если мы рассчитываем на прогресс в понимании географии глобализации в её отношении к территориальным, детерриториальным и ретерриториальным аспектам, нам следует понять, каковы условия её возможности. Начать с этой точки.

Благодарности

Я благодарен Яну Аарту Шолте, двум моим референтам, Адаму Тиккелу, Эшу Эмину, Харриет Балкли, Гордону МакЛеоду, Джо Пэйнтеру, Луизе Бьялашевич, Нейлу Бреннеру и Джулиет Фолл за их ценные замечания. Более ранние версии были представлены в виде докладов в Шарлоттсвилле, Нью-Йорке, Эйбериствите и Лондоне, я учёл ценные замечания на них.

Перевод с английского А.В. Дьякова

Stuart Elden

Missing the point: globalization, deterritorialization and the space of the world

This article provides a critique of a dominant strand of the literature on globalization — that which suggests it can be understood as deterritorialization. It argues that suggestions that we have moved away from territorial understandings of politics fail to conceptually elaborate the notion of territory itself. Drawing parallels between mathematics and politics in the seventeenth century, the paper claims that the notion of territory is dependent on a particular way of grasping space as calculable. This way of understanding space makes bounded territories possible, but also underlies new global configurations. In other words globalization is a reconfiguration of existing understandings rather than the radical break some suggest. The article concludes by making some comments on this reconfiguration, and suggesting that further historical and conceptual work on territory is necessary before it can be thought to be superseded.

¹ Brenner N. Beyond state-centrism? Space, territoriality, and geographical scale in globalization studies // Theory and Society. 1999. Vol. 28.